

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**АДАПТАЦИЯ КУЛЬТУР ПАЛЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА
К ИЗМЕНЕНИЯМ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ**

ТЕЗА
Санкт-Петербург
2009

Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит?

В.А. Трифонов

Введение

К середине 60-х годов прошлого века продолжительный период накопления и систематизации археологических материалов с территории Северо-Западного Кавказа завершился созданием общей схемы культурно-хронологического развития, в которой, в соответствии с традицией, памятники были сгруппированы в пределах основных археологических эпох: палеолита, неолита и энеолита (Формозов, 1965). Вне всякого сомнения, это было крупным достижением отечественной археологии – итогом почти столетнего изучения края. Впервые было продемонстрировано, что культурное развитие Северо-Западного Кавказа восходит к древнейшим этапам общечеловеческой истории. Работа А.А. Формозова долгие годы оставалась самым авторитетным исследованием региона и оказала большое влияние на весь ход изучения этой части Кавказа, особенно в 70–80-е гг.

Исследования последнего 25-летия значительно дополнили корпус археологических источников, что естественным образом привело к корректировке и даже пересмотру взглядов А.А. Формозова на содержание, периодизацию и хронологию некоторых этапов культурного развития Северо-Западного Кавказа. Эти изменения особенно заметны в области изучения палеолита и энеолита, в меньшей степени – в изучении мезолита, и, парадоксальным образом, практически не коснулись неолита. Если количество известных палеолитических и энеолитических памятников к сегодняшнему дню выросло в несколько раз, то количество и состав неолитических остаются практически такими же, какими они были определены А.А. Формозовым более сорока лет назад (Формозов, 1962). Необычность этой источниковедческой ситуации усиливает другое обстоятельство: несмотря на общий рост количества радиоуглеродных датировок для западнокавказских памятников ранних исторических эпох, сохраняется значительная, почти трехтысячелетняя хронологическая «дыра», приблизительно между IX и концом VI тыс. до Р.Х. (в современных калиброванных значениях радиоуглеродных дат) (Рис. 1). Эта временная протяженность сейчас представляет собой культурную «пустоту», разделяющую памятники мезолитического и энеолитического типов, и приходится она как раз на тот период, который согласно традиционным представлениям должен бы соответствовать неолитической эпохе. Значит ли это, что выделенные когда-то А.А. Формозовым неолитические памятники Северо-Западного Кавказа следует датировать в пределах именно этого хронологического диапазона и тем самым проблему «культурной пустоты» между мезолитом и энеолитом можно считать исчерпанной, или она сложнее, чем это кажется на первый взгляд? Однако, прежде чем ответить на этот вопрос, придется выяснить, существует ли эталонный набор культурно-типологических признаков неолитической эпохи, в какой степени ему соответствуют памятники С-З Кавказа, и чем руководствовался А.А. Формозов в идентификации неолита.

Неолит: историческое, культурное и типологическое содержание

Общее представление о неолите как культурно-исторической эпохе является прямым наследием той поры развития археологии, когда в науках о закономерностях развития человеческого общества доминировал эволюционизм. В 1865 г. Сэр Хэнна Лаббок (Sir Hannah Lubbock) опубликовал, как иногда полагают, самый влиятельный археологический учебник XIX века – «Доисторические Времена...» (Lubbock, 1865) – в котором впервые употребил изобретенные им термины: «Палеолит» – для обозначения древнего каменного века и «Неолит» – для нового каменного века (Trigger, 2006). С этими дополнениями хрестоматийная «система трех веков»

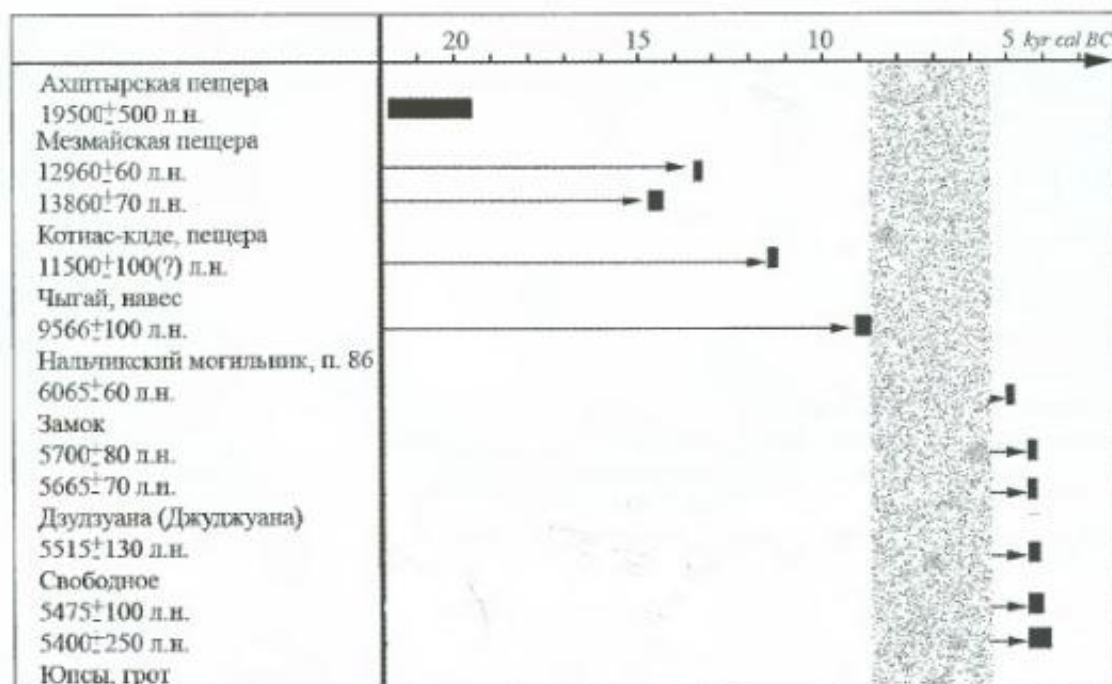

Рис. 1. Северо-Западный Кавказ. Хронологическое соотношение памятников позднего палеолита/мезолита и энеолита (по данным радиоуглеродного анализа).

Кристиана Томсена (Christian Thomsen) приобрела завершенный, привычный для нас вид универсальной исторической периодизации. Пока в мировой археологии преобладали представления об однолинейности развития общества и культуры, в понятии неолита хронологическая составляющая была главной. Эпоха рассматривалась как неотъемлемая стадия социокультурного развития, а ее региональные временные рамки (до изобретения метода радиоуглеродного датирования) вычислялись, главным образом, по результатам многоступенчатого сравнительно-типологического анализа. Одновременно формировался список эпохальных технологических признаков неолита, главными из которых долгое время оставались изделия из полированного камня и керамики. К середине 20-х годов XX века, когда Гордон Чайлд (Gordon Childe) отчеканил воспринятое с энтузиазмом понятие «неолитической революции», уже многие археологи придерживались мнения, что материальным проявлением перехода к «неолитическому» образу жизни является почти одновременное появление признаков новой (производящей) системы жизнеобеспечения, ее технологической базы и социальной инфраструктуры (следы одомашнивания животных и растений, остатки технологических комплексов по производству, переработке и хранению продуктов питания, долговременные поселения с общественными зданиями, погребения с признаками социального неравенства и т.д.). Вводя экономические критерии выделения эпохи неолита, Гордон Чайлд теоретически обосновал эмпирическую практику датировки памятников «эпохой неолита» по технологическим критериям, объяснив системную связь между ними и новым жизненным укладом, экономическую основу которого составляли различные формы земледелия и скотоводства. Возможность объяснить почти одновременное возникновение целого ряда ключевых культурных феноменов, которые сформировали фундамент первых цивилизаций Древнего Востока, и, в конечном итоге, европейской цивилизации, сделала концепцию «неолитической революции» привлекательной не только в научных, но и в общественных кругах, чему способствовал немалый талант Чайлда как популяризатора археологии (Childe, 1936; 1951). Между тем, еще при его жизни в

1952 г. Кэтрин Кенъон (Kathleen Kenyon) продолжила начатые еще в 30-е годы раскопки Иерихона, где спустя несколько лет она открыла культуру, которая по своим признакам не соответствовала «классическому» стандарту неолитической эпохи – не было керамики. Это обстоятельство в совокупности с данными стратиграфии подтолкнуло Кенъон к выделению, по существу, новой эпохи, названной ею «докерамический неолит» (Kenyon, 1960). Дальнейшие исследования на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Анатолии (в зоне «плодородного полумесяца») неожиданно продемонстрировали чрезвычайную продолжительность эпохи докерамического неолита, которая растянулась почти на пять тысячелетий, приблизительно, между XII и первой половиной VII тыс. до Р.Х. (Aurenche, Kozłowski, 1999). Оказалось, что процесс формирования производящих форм хозяйства носил не только затяжной характер, но и сопровождался очень ранним возникновением таких культурных феноменов, которых никто не ожидал встретить в архаическом контексте докерамического неолита (напр., общественные здания с каменной монументальной скульптурой). Исключительно медленное формирование нового образа жизни, мало похожее на революцию, стало одной из причин выделения самого древнего этапа этого процесса в особый протонеолитический период, для которого характерны так называемые протоскотоводство и протоземледелие (Aurenche, Kozłowski, 1999). В целом, давая общую характеристику материальным проявлениям ранней поры неолитической эпохи в зоне «плодородного полумесяца», О. Оранж и С.Козловски по существу описывают культурно-хронологические признаки регионального порядка, не претендуя на их повсеместную универсальность. Отчетливой региональной спецификой отличается развитие культур и в независимых центрах возникновения производящего хозяйства за пределами Юго-Западной Азии и Европы. Везде признаки «неолитизации» появляются в разном составе и порядке. Развитие скотоводства, например, не обязательно сочетается с земледелием и основательной оседлостью. Если на Ближнем Востоке первые фермеры обходились без керамики, то на Японских островах или, например, в Нижнем Поволжье, керамика появилась до возникновения земледелия (Junko, 2004; Dolukhanov et al., 2009). Все это говорит о том, что какими бы, на первый взгляд, убедительными не были косвенные признаки существования производящего хозяйства, все они будут оставаться двусмысленными аргументами до тех пор, пока не будут предъявлены прямые доказательства существования domesticiрованных видов животных и растений. Именно так в конце 50-х–60-х гг. прошлого столетия Кэтрин Кенъон в Леванте и Роберт Брайдвудом (Robert Braidwood) в Загросе была открыта эпоха докерамического неолита, можно сказать, вопреки теоретическим выкладкам Чайлда.

Возвращаясь к проблеме определения исторического содержания неолита в современном понимании, надо признать, что его не вызывающую разногласий универсальную основу составляют только технологические и экономические характеристики. С этой точки зрения, неолит можно определить как период формирования экономической системы жизнеобеспечения, в основе которой лежат базирующиеся на каменной индустрии производящие формы хозяйства. Легко заметить, что в этом определении нет культурной и тем более типологической характеристики эпохи. И у этого есть свои причины.

Ощущение того, что с изменением образа жизни и переходом к производящим формам хозяйства возникают культуры нового типа никогда не оставляло тех, кто занимался их изучением, но в оценке причин и характера этих перемен мнения до сих пор существенно расходятся. Индифферентность понятия и термина «неолит» к культурной (в отличие от технологической и экономической) специфике эпохи периодически становилась причиной предложений отказаться от него в пользу более содержательного определения (напр.: эпоха ранних сельских общин – *early village communities*) (Russell, 1989), но пока не появилось ни одного, составляющего серьезную конкуренцию старой традиции. Отсутствие достойной альтернативы можно объяснить нерешенностью нескольких вопросов. Во-первых, остается неясным, что послужило причиной перехода к производящим формам хозяйства. Во-вторых, никто не знает, какие культурные параметры, в каком направлении и какой последовательности изменяются при смене моделей

хозяйственной активности. Выяснение причин «неолитической революции» до сих пор остается областью конкуренции нескольких, иногда взаимодополняющих, концепций, в которых причинами выбора новых хозяйственных стратегий рассматриваются неблагоприятные климатические условия, демографическая напряженность в условиях локального перенаселения или социальный заказ в борьбе за власть. Некоторые участники дискуссии отвергают революционный характер перемены, склоняясь в пользу продолжительной эволюции (Rindos, 1987), другие считают ключевой причиной изменения в мышлении (Souvin, 1994). Кто бы в конечном итоге не оказался прав в споре о причинах возникновения «неолитического образа жизни», объяснение характера зависимости между переменами в хозяйственном укладе и культуре пока остаются за пределами возможностей не только современной археологии, но и культурологии в целом. Иначе говоря, сегодня словосочетание «неолитическая культура» является не столько строгим научным понятием, сколько риторической фигурой речи, привычной метафорой, не вносящей никакой дополнительной информации в неясный образ культуры, носители которой еще не были знакомы с металлом, но уже освоили навыки земледелия и скотоводства. А теперь рассмотрим, как с этим небогатым теоретическим инструментарием можно выделить неолитические памятники Северо-Западного Кавказа.

Неолитические памятники Северо-Западного Кавказа: критический обзор источников

Корпус археологических источников, которые традиционно рассматриваются как неолитические, в целом невелик, и включает около десятка памятников закрытого (пещеры, гроты, навесы) и открытого типов, но только в двух из них (Каменноостская пещера и Нижне-Шиловская стоянка) материалы были зафиксированы в достоверной стратиграфической ситуации.

Каменноостская пещера располагается на северном склоне Кавказского хребта в бассейне реки Белой недалеко от поселка Каменноостского и представляет собой большой грот (более 200 кв. м) с почти такой же по площади площадкой перед входом. В 1961 г. памятник исследовал А.А. Формозов, который раскопал участок в 24 кв.м и установил, что общая мощность отложений составляет 3.2 м, а неолитический слой (20–30 см) перекрывает позднепалеолитические отложения (1.9 м) и, в свою очередь, подстилает слои с энеолитическим (около 1 м) и средневековым материалами (Формозов, 1965, с. 43, 55, 71). Основанием для неолитической идентификации слоя стали его стратиграфическая позиция (между палеолитом и энеолитом), типологический состав кремневого инвентаря (микролиты), присутствие керамики и костей домашних животных. Особое значение А.А. Формозов придавал микролитической индустрии, которая, по его мнению, соответствует значительно более древним стандартам, и, если бы не керамика, «микролитический кремневый инвентарь вполне мог бы быть отнесен и к мезолитическому времени» (Формозов, 1965, с. 56). Вместе с тем, осмотр археологической коллекции из Каменноостской пещеры позволяет сделать однозначный вывод, что керамический комплекс из второго (неолитического по А.А. Формозову) горизонта по составу теста (минеральные примеси), качеству обработки поверхности (заглаживание и узкое полосчатое лощение), орнаментации (заглаженный рельефный орнамент, зубчатый штамп) и формам (круглодонная посуда) соответствует основным признакам керамики из вышележащего первого, т.е. энеолитического по А.А. Формозову, стратиграфического горизонта. Вместе с керамикой существенную близость демонстрируют комплексы кремневых орудий второго и первого горизонтов, основу которых составляет пластинчатая микролитическая индустрия. Показательно, что во втором горизонте был найден обломок наконечника, обработанного двусторонней отжимной ретушью (Формозов, 1965, с. 56, Рис. 21, б), что, в целом, является характерным для регионального «энеолитического» контекста. К этому следует добавить, что второй и первый стратиграфические горизонты Каменноостской пещеры практически идентичны по составу костей домашних животных: в обоих случаях они представлены костями быка, козы или овцы, свиньи и собаки. Из этого можно сделать только один вывод: второй и первый стратиграфические горизонты Каменноостской пещеры представляют два последовательных периода развития одной и той же «энеолитической» культуры, которая на северном склоне

Западного Кавказа представлена памятниками типа Мешоко. При отсутствии соответствующих радиоуглеродных дат трудно сказать, какой была продолжительность формирования второго и первого стратиграфических горизонтов Каменноостской пещеры, но весь археологический контекст памятников типа Мешоко делает маловероятным их появление на Кавказе в финале мезолитической эпохи.

Опорным памятником для характеристики неолитической эпохи на Черноморском побережье Западного Кавказа для А.А. Формозова была Нижне-Шиловской стоянка, на которой, как он полагал, был зафиксирован непотревоженный культурный слой (Формозов, 1962, 1965). Памятник расположен в окрестностях Адлера – на территории пригородного поселка Нижняя Шиловка (Формозов, 1962, с. 120–147). Прямых свидетельств о занятии населения стоянки земледелием или скотоводством обнаружено не было, но А.А. Формозов полагал, что о «неолитическом» образе жизни свидетельствуют косвенные данные – присутствие керамики и состав каменного инвентаря (двустороннеобработанные геометрические микролиты). Последней категории инвентаря А.А. Формозов придавал особое значение, считая, что ее присутствие является проявлением очень раннего переднеазиатского влияния, ответственного, в том числе и за появление на Северо-Западном Кавказе навыков земледелия и скотоводства (Формозов, 1965, с. 57, 59). При отсутствии достоверных сравнительно-стратиграфических данных и результатов радиоуглеродного датирования, датируя материалы Нижне-Шиловской стоянки неолитическим временем, А.А. Формозов ориентировался главным образом на довольно общие обстоятельства: «мезолитический» облик кремневого инвентаря и ранний характер переднеазиатских параллелей кремневым «пластинкам с выделенной головкой» (натуфийский культурно-хронологический контекст). С точки зрения определения локального, западнокавказского культурно-хронологического контекста Нижне-Шиловской стоянки, то здесь наиболее перспективным оказалось сопоставление с материалами приморских стоянок, расположенных к юго-востоку от Адлера: в Абхазии (Кистрик в районе Гудауты) (Соловьев, 1967), Мегрелии (Одиши в районе Зугдиди) и Аджарии (Анасули около Озургети). Эти памятники сближают особенности топографического расположения (приморская равнина), специфика каменной индустрии (геометрические микролиты, полированные топоры) и керамической традиции (посуда с выделенными плоскими днищами). Вместе с тем, прямых свидетельств неолитического образа жизни населения стоянок этой группы (кости домашних животных и растений) не найдено, и выводы о занятиях скотоводством и земледелием основаны на косвенных наблюдениях (Небиеридзе, 1972, с. 118). Более того, остается полностью открытым вопрос о датировке памятников этого типа. Большинство из них – однослойные, и по условиям сохранности не могут быть источниками данных ни для относительной, ни для абсолютной хронологии. Эта проблема не осталась незамеченной, и, исходя из сходства материального комплекса памятников типа Одиши с материалами поселений Шулавери (Квемо-Картли) и Самеле-Клде (Имеретия), Ю.Н. Воронов высказал предположение, что «одишский» комплекс следует датировать энеолитом. Не отрицая этого сходства, Л.Д. Небиеридзе выразила сомнение в справедливости такого «омоложения» комплекса типа Одиши, но при этом неоднократно обращалась к сопоставлениям последнего именно с энеолитическим комплексом поселения Цопи (Квемо-Картли) (Небиеридзе, 1972, с. 113–115). В целом следует признать, что при сохраняющейся неопределенности хронологической позиции комплексов типа Нижне-Шиловская – Одиши, их хронологическое соседство с мезолитическими памятниками Западного Кавказа кажется маловероятным и приоритетным выглядит их рассмотрение этого культурного явления в контексте западно-кавказского энеолита.

Критический анализ западно-кавказских «неолитических» археологических источников будет не полным, если кратко не рассмотреть сюжет с «мотыжками сочи-адлерского типа». Чаще всего эти грубоватые, сделанные из плоских галек орудия, входят в состав коллекций подъемного материала, собранного в приморской зоне Западного Кавказа. Самая западная находка мотыг этого типа происходит из окрестностей Геленджика (п. Светлый), а самая восточная – из Центральной

Колхиды (поселение Очхомури) (Скаков, Джоуа, Цвинария, 2005). Несмотря на случайный характер большинства находок, их научная привлекательность как безусловного свидетельства раннего распространения земледельческой практики стала причиной ряда поспешных выводов относительно их возраста и культурной принадлежности. Исходя из очень ранних и территориально далеких переднеазиатских параллелей (культура Хасуина), А.А. Формозов ограничился замечанием, что исключать синхронность переднеазиатских и кавказских каменных мотыжек нельзя, отметив при этом, что в комплексе с микролитами они не встречаются, но найдены вместе с керамикой на поселении у Очамчирского порта, дата которого «вероятно, конец III тысячелетия до н.э.» (Формозов, 1965, с. 61). А.А. Формозов посчитал не достоверными сведения о присутствии мотыжек в слое Ахштырской пещеры, о чем писали Л.Н. Соловьев, В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев, но из раскопок в Ахштырской пещере Е.А. Векиловой (1961 г.) действительно происходит мотыжка сочи-адлерского типа, которая, по мнению С.А. Кулакова, попала в палеолитический горизонт из более раннего слоя в результате механического смешения соседних литологических горизонтов (Кулаков, Барышников, Левковская, 2007, с. 73–74, Рис.6, 20).

С определенными оговорками, следует принять во внимание каменные мотыжки, найденные в ходе раскопок В.В. Бжания на поселении Кистрик в 1979–1984 гг. По его мнению, несмотря на очевидные следы повреждения культурных отложений пахотой, мотыжки связаны с ранним комплексом, который включает геометрические микролиты, пластины с выделенной головкой и полированные топоры (Бжания, 1983).

Если время и контекст появления каменных мотыжек сочи-адлерского типа более-менее ясен, то период их бытования остается предметом дискуссии. Обнаружив мотыжки во втором слое поселения Мачара (окрестности Сухуми), В.В. Бжания предположил, что они были в употреблении вплоть до эпохи поздней бронзы (Бжания, 1966). В пользу исключительно продолжительного использования каменных мотыжек сочи-адлерского типа в хозяйственной деятельности как будто бы говорят находки подобных предметов в слое поселения Абгархук (район Гудауты), которое его исследователи склонны датировать ранним этапом колхидской культуры, т.е. приблизительно, последней четвертью II тыс. до Р.Х. Достоверность этого вывода во многом зависит от того, в какой степени верно отождествление каменных мотыжек с поздней (колхидской), а не ранней (энеолитической?) частью археологического комплекса, который по мнению авторов раскопок включает микролитический инвентарь, аналогичный найденному на Нижне-Шиловской стоянке (Скаков, Джоуа, Цвинария, 2005).

Прежде чем принять вывод о сверхпродолжительном использовании мотыжек сочи-адлерского типа за соответствующий действительности, мне кажется целесообразным принять в расчет некоторые обстоятельства их производства, использования и археологического «отложения». Судя по всему, этот тип инструмента, сделанный, как правило, из плоских песчанников или сланцевых галек, был массовым и относительно легким в изготовлении до такой степени, что представлял собой почти расходный материал. Если мотыжки действительно использовали для обработки полей, то именно в полях, а не на поселениях должны оставаться поврежденные, непригодные к дальнейшему использованию экземпляры. Именно поэтому находки каменных мотыг редко сопровождаются обнаружением в том же месте культурного слоя. Чаще других предметов, с мотыгами находят полированные каменные топоры – самый необходимый инструмент для расчистки полей от растительности. Это означает, что если на территории таких полей позднее появляется поселение, древний «полевой» комплекс из мотыжек и топоров может стать механической составляющей значительно более позднего археологического комплекса, причем в нем не будет синхронной мотыжкам керамики, или иных компонентов, характерных для поселения. Вот почему с оценкой продолжительности бытования мотыжек сочи-адлерского типа следует проявлять предельную осторожность.

Подводя итог краткому обзору культурных комплексов, которые традиционно рассматриваются под рубрикой западно-кавказского неолита, можно сделать два основных вывода.

Во-первых, нет никаких оснований считать, что на северном и южном склонах Западного Кавказа культуру мезолитической эпохи, закончившейся, приблизительно в X–IX тыс. до Р.Х., непосредственно сменяют неолитические памятники, т.е. культуры, экономическую основу которых составляют каменная индустрия и производящее хозяйство. Складывается впечатление, что на Западном Кавказе культуры с производящей хозяйственной базой появляются только спустя почти три тысячи лет после заката эпипалеолитических традиций, причем не в неолитическом, а в энеолитическом облике.

Во-вторых, памятники новой экономической эпохи представляют, как минимум, две различных культурных традиции. На северном и южном склонах Западного Кавказа одну из традиций представляют памятники типа Каменноостовской и Ахштырской пещер, а другую – на западно-кавказской приморской равнине – памятники типа Нижне-Шиловской стоянки, Кистрика, Анасеули II и Одиши, причем местонахождения с каменными мотыжками сочи-адлерского типа могут оказаться одновременными зонами хозяйственной активности причерноморского населения обеих культурных групп.

В целом, можно сказать, что на Северо-Западном Кавказе неолитической эпохи в классическом понимании этого термина не было, и модель культурно-хозяйственного развития этого региона заметно отличалась от довольно упрощенной эволюционной схемы.

Северо-Западный Кавказ в эпоху энеолита: модель вторичного заселения

Впечатление о существовании в культурном развитии Северо-Западного Кавказа после эпохи мезолита продолжительного перерыва или, по крайней мере, периода затяжной стагнации, может быть ошибочным, если нам пока просто неизвестны соответствующие этому этапу памятники. Однако в пользу реального существования такого периода, кроме результатов радиоуглеродного датирования и сравнительно-типологического анализа, говорят некоторые стратиграфические данные. Приведу два примера.

В 1937–1938 годах во время раскопок привходового участка Ахштырской пещеры (около 90 кв.м), в стратиграфии отложений С.Н. Замятнин выделил довольно мощный (около 1 м) стерильный слой (без находок), разделяющий отложения с палеолитическими и неолит/энеолитическими материалами (Замятнин, 1940, 1950, 1961). По мнению С.А. Кулакова, в материалах Ахштырской пещеры присутствует мезолитический компонент, что позволяет предположить, что именно с этого времени пещера оставалась необитаемой до появления «энеолитического» населения.

Похожая стратиграфическая ситуация зафиксирована в Даркветском навесе (Имеретия, район Чиатуры). Здесь стерильный слой мощностью около 1 м (слой V) залегает между отложения с позднемезо-литическими (слой VI) и неолит/энеолитическими (слои IV–III) материалами (Небиеридзе, 1978).

Исходя из сравнения пока немногочисленных радиоуглеродных дат мезолитических памятников Северо-Западного Кавказа (Мезмайская пещера, навес Чыгай, пещера Котиас Клдс) (Голованова, Дороничев, 2005; Meshveliani, Jakeli, Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 2006; Леонова, 2009) с совокупностью радиоуглеродных дат памятников типа Дарквети-Мешоко (Трифонов, 2001а), можно сделать вывод, что хронологический разрыв между ними приходится на финал последней ледниковой эпохи – начало голоцена (9000–8000 л.н.), когда на смену холодного и сухого климата позднего дриаса приходит более теплый и влажный. На фоне этого климата вдоль восточного побережья Черного моря с юга на север на Западном Кавказе происходит распространение широколиственных лесов, а прежде засушливые и пустынные равнинные области Восточного Кавказа превращаются в зону увлажненной степи с отдельными лесными массивами и зарослями орешника (Adams, Faure, 1997). Вполне вероятно, что суровые условия финала ледникового периода привели к невозможному сокращению населения, а медленное улучшение климата в начале

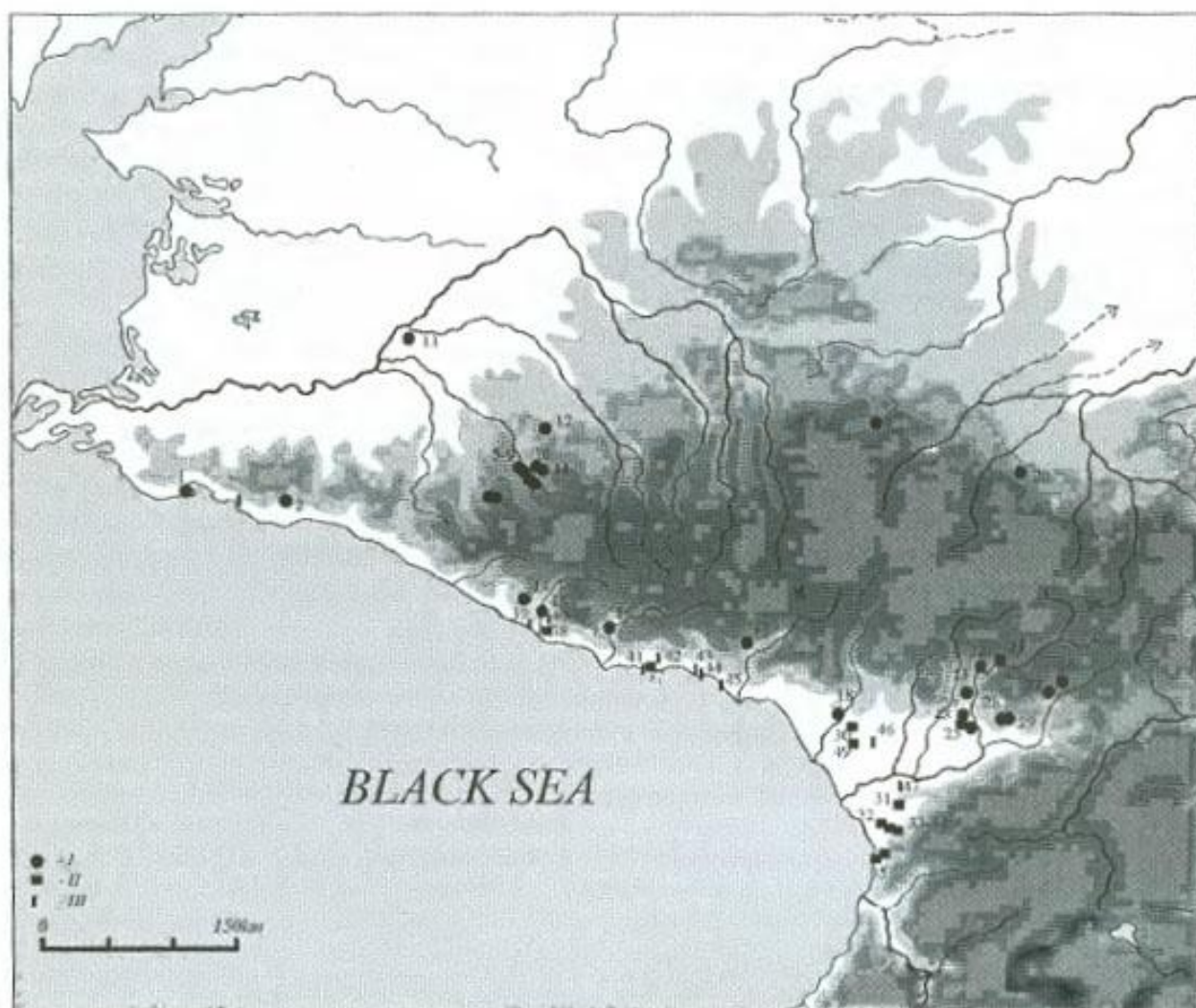

Рис. 2. Западный Кавказ. Памятники дарквети-мешоковской (I) и одишской (II) археологических культур. Местонахождения каменных мотыг сочи-адлерского и сухумского типов (III). (I) Дарквети-мешоковская культура: (1) Мысхако; (2) Пшадла; (3) Матузка (пещера); (4) Гуамский грот; (5) Скала; (6) Хаджох I-III, навесы; (7) Мешоко; (8) Даховская пещера; (9) Унакозовская пещера; (10) Каменноостская пещера; (11) Веселый; (12) Яснова Поляна; (13) Свободное; (14) Воронцовская пещера; (15) Ахитырская пещера; (16) Юпсы, грот; (17) Джампал I; (18) Абастумани; (19) Свободное; (20) Нальчикский могильник; (21) Самерхле-Клде, пещера; (22) Самеле-Клде, пещера; (23) Сакаджия; (24) Тетри-Мгвие, пещера; (25) Тетрамца; (26) Дзудзуана (Джуджуана), пещера; (27) Дарквети, навес; (28) Сагварджиле, пещера; (29) Дзеври; (48) Огасквара (Баноджа). (II) Одишская культура: (30) Одиши; (31) Гурианта; (33–34) Анасеули I, II; (35) Кобулети; (36) Хуцубани; (37) Кистрик; (38) Нижле-Михайловское; (49) Урта. (III) Местонахождения каменных мотыг сочи-адлерского и сухумского типов: (39) Молдовка; (40) Ахштырь; (41) Кистрик; (42) Абгархук; (43) Ачацдара; (44) Гумиста; (45) Мачара; (46) Очхомури; (47) Носири.

голоцена само по себе не могло стать причиной радикального улучшения демографической ситуации – преимуществами новой ландшафтно-климатической ситуации просто некому было воспользоваться. Толчком к притоку нового, адаптированного к сложившимся условиям населения, могло послужить неожиданное и резкое похолодание в начале среднего голоцена (около 7500 л.н.) и связанная с ним заметная аридизация климата в восточной Анатолии и западном Иране, длившаяся приблизительно 200 лет (Adams, Faure, 1997). Этот природный катаклизм и мог стать

причиной продвижения южного оседлого населения на север двумя путями. Один из них – из Западного Ирана в прежде безлюдные (?) аллювиальные долины Восточного Кавказа, где, приблизительно, к VI тыс. до Р.Х. сформировалась шулавери-шомутепинская культура, и дальше на запад – вплоть до Колхиды и приморской равнины Причерноморья (одишская культура). Другой маршрут – из Восточной Анатолии на Северо-Западный Кавказ, где в начале V тыс. до Р.Х. формируется дарквети-мешоковская культура.

При распространении «иранского» культурного комплекса, к которому относятся шулавери-шомутепинская и, вероятно, одишская культуры, главным мотивом экспансии было овладение плодородными аллювиальными долинами, пригодными для мотыжного земледелия.

Для «восточно-анатолийского» культурного комплекса, к которому, вероятно, принадлежит дарквети-мешоковская культура, комфортной ландшафтной средой было покрытое широколиственными лесами среднегорье. Судя по преобладанию на памятниках этой культуры костей свиньи, можно предположить, что в условиях теплого и влажного климата среднего голоцена (7000–5000 л.н.), распространение широколиственных лесов вдоль восточного побережья Черного моря (с ЮВ на СЗ) сопровождалось расселением в том же направлении населения, хозяйственной основой которого было разведение свиней на естественной кормовой базе, т.е. так же, как это практиковалось в Малой Азии уже в начале голоцена (Flannery, 1983; Pringle, 1998).

Таким образом, отвечая на вопрос о существовании на Северо-Западном Кавказе неолитической эпохи, можно сказать, что в традиционном понимании здесь ее не было, и разные варианты производящих хозяйственных комплексов появились в готовом виде вместе с новыми культурами энеолитической эпохи, занявшими различные ландшафтные зоны (Рис. 2).

ЛИТЕРАТУРА

- Бжания, 1966.* Бжания В.В. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии // СА, No. 1, 1966.
- Бжания, 1973.* Бжания В.В. Отчет...// Архив ИА РАН, P-1, 5247
- Бжания, 1983.* Бжания В.В. Отчет...// Архив ИА РАН, P-1, 10487, 10487а, б.
- Замятин, 1940.* Замятин С. Н. Навашищенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. No. 6–7. М., 1940.
- Замятин, 1950.* Замятин С. Н. Изучение палеолитического периода Кавказа за 1936—1948 гг. // Материалы по четвертичному периоду. Вып. 2. М.; Л., 1950.
- Замятин, 1961.* Замятин С. Н. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. М., 1961.
- Кулаков, Барышников, Левковская, 2007.* Кулаков С.А., Барышников Г.Ф., Левковская Г.М. Некоторые результаты изучения Ахштырской пещерной стоянки (Западный Кавказ) // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. Институт истории материальной культуры. Труды, том XXI/ Санкт-Петербург, 2007.
- Леонова, 2009.* Леонова Е.В. Новые исследования памятников верхнего палеолита – мезолита в Губском ущелье (предварительные результаты) // статья в этом сборнике.
- Марковин, Мунчаев, 1961.* Марковин В.И., Мунчаев Р.М. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа // КСИА, No. 84, 1961.
- Небиеридзе, 1972.* Небиеридзе Л.Д. Неолит Западного Закавказья (на грузинском языке). Тбилиси, 1972
- Небиеридзе, 1978.* Небиеридзе Л.Д. Даркветский многослойный навес (на грузинском языке). Тбилиси, 1978.
- Небиеридзе, 1986.* Небиеридзе Л.Д. Ранние ступени развития Западнокавказской раннеземледельческой культуры. Тбилиси, 1986.
- Недоля, 1957.* Недоля И.К. Орудия земледелия эпохи неолита в районе Адлера // КСИИМК, No. 67, 1957.
- Скаков, Джошуа, Цвинария, 2005.* Скаков А.Ю., Джошуа А.И., Цвинария И.И. К вопросу о времени бытования мотыжек типа «Сочи-Адлер» // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 2005.

- Соловьев, 1939* Соловьев Л.Н. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии //Труды Абхазского НИИ Груз. ФАН СССР, вып. 15. Сухуми, 1939.
- Соловьев, 1967.* Соловьев Л.Н. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрик //Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967.
- Трифонов, 2001.* Трифонов В.А. Дарквети–Мешоковская культура //Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар – Анапа. 2001
- Трифонов, 2001а.* Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара. 2001.
- Формозов, 1957.* Формозов А.А. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа // КСИИМК, No. 67, 1957.
- Формозов, 1962.* Формозов А.А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА No. 102. М. 1962.
- Формозов, 1965.* Формозов А.А. Камениый век и энеолит Прикубанья. Наука. Москва. 1965.
- Adams, Faure, 1997.* Adams J.M. & Faure H. (1997) (ed.s), QEN members. Review and Atlas of Palaeovegetation: Preliminary land ecosystem maps of the world since the Last Glacial Maximum. Oak Ridge National Laboratory, TN, USA. <http://www.esd.ornl.gov/projects/qen/adams1.html>.
- Aurenche, Kozłowski, 1999.* Aurenche O., Kozłowski S. K. La naissance du Néolithique au Proche Orient. Paris, 1999.
- Cauvin, 1994.* Cauvin J. Naissance des divinités, Naissance de l'agriculture. La révolution des symboles au Néolithique (CNRS 1994).
- Childe, 1936.* Childe G. Man Makes Himself. Oxford university press, 1936.
- Childe, 1951.* Childe. G. Social Evolution. New York, Schuman.
- Dolukhanov et al., 2009.* Pavel Dolukhanov, Anvar Shukurov, Kate Davison, Greame Sarson, Natalia P.Gerasimenko, Galina A.Pashkevich, Aleksandr Vybornov, Nikolai N.Kovaliukh, V.V.Skripkin, Ganaa Zaitseva, Tatiana Sapelko 2009 The Spread Of Neolithic in the South East European Plain: Radiocarbon Chronology, Subsistence and Environment.// Radiocarbon. V. 51, No. 2, pp. 783–795.
- Flannery, 1983.* Flannery K. Early Pig Domestication in the Fertile Crescent: a Retrospective look // in P. Mortensen, ed., The Hilly Flanks: Essays on the Prehistory of Southwestern Asia Presented to Robert J. Braidwood, November 15, 1982. Studies in Oriental Ancient Civilization 36. Chicago: Oriental Institute, University of Chicago, pp. 163–188.
- Junko, 2004.* Junko H. Ancient Jomon of Japan. Cambridge University Press, 2004.
- Kenyon, 1960.* Kenyon K. Archaeology in the Holy Land, first edition, London, 1960.
- Lubbock, 1865.* Lubbock J. Pre-historic Times, as Illustrated by Ancient Remains, and the Manners and Customs of Modern Savages. London: Williams and Norgate.
- Meshveliani, Jakeli, Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 2006.* Meshveliani T., Jakeli N., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. Kotias Klde Cave and the Palaeolithic man's first burial in Caucasus (Summery) // Dzeban, No. 17-18, Tbilisi.
- Pringle, 1998.* Pringle H. Reading the Signs of Ancient Animal Domestication // Science, 20 November 1998: Vol. 282, No. 5393, p. 1448.
- Rindos, 1987.* Rindos D. The Origins of Agriculture: An Evolutionary Perspective. Academic Press, 1987.
- Russell, 1989.* Russell J. Modes of production in world history. Routledge, 1989.
- Trigger, 2006.* Trigger, B.G. A history of archaeological thought. Second edition. Cambridge: Cambridge University Press.